

УДК 94(430).087

**ПОЛИТИКА АМЕРИКАНСКОЙ ВОЕННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ
ПО ВОЗРОЖДЕНИЮ КУЛЬТУРНОЙ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ГЕРМАНИИ (1945 – 1949 гг.)**

Е. А. Жаронкина

**THE AMERICAN MILITARY GOVERNMENT POLICY ON THE REVIVAL
OF CULTURAL AND SPIRITUAL LIFE IN GERMANY (1945 – 1949)**

E. A. Zharonkina

Возрождение культурной и духовной жизни в послевоенной Германии являлось неотъемлемой частью политики демократизации, которую проводила в своей оккупационной зоне американская военная администрация. В статье рассматриваются основные мероприятия оккупационных властей в направлении «перевоспитания» немцев в проамериканских демократических традициях: возобновление театральной и музыкальной жизни, кинематографа, создание информационных центров, работа с молодежью, политика в отношении церкви. Как и в политической сфере, американская администрация стремилась к тому, чтобы возрождение общественной и культурной жизни было главным образом обязанностью самих немцев под американским надзором и контролем. Однако в целом вмешательство военной администрации в развитие культурной жизни было незначительным.

The revival of cultural and spiritual life in post-war Germany was an integral part of the policy of democratization which was pursued in the occupational zone by the American military government. The paper considers the main actions of the occupational authorities in the direction of “re-education” of Germans in pro-American democratic traditions: renewal of theater and musical life, cinema, creation of information centers, work with the youth, church policy. As in the political sphere, the American administration aspired the revival of public and cultural life to be mainly a duty of Germans under the American supervision and control. However in general the intervention of military government into the development of cultural life was insignificant.

Ключевые слова: Германия, военная администрация, оккупация, демократизация, «перевоспитание», культурная политика.

Keywords: Germany, military government, occupation, democratization, “re-education”, cultural policy.

После окончания Второй мировой войны верховная власть в Германии принадлежала державам-победительницам, одной из которых были США. Катастрофическая ситуация в экономике, нехватка продовольствия, воды, топлива и электричества, разрушенная инфраструктура, опасность распространения эпидемий – вот только малая часть тех проблем, с которыми ежедневно приходилось сталкиваться американской военной администрации в Германии (АВАГ). Поражение Германии означало не только крах национал-социализма, но и потрясение политических и идеологических основ немецкого общества в целом. По словам Б. Бонвеча, немцы «духовно находились в «ничьей стране»: старое еще не стало достаточно далеким, а новое еще не пришло» [1, с. 10]. Поэтому задача возрождения культурной и духовной жизни была не менее важной.

Одной из основных целей оккупационной политики союзников в послевоенной Германии стала демократизация общественно-политической жизни. Было необходимо не только «очистить» духовную и культурную жизнь от нацистского наследия, но и возродить многовековые культурные традиции Германии, создать условия для развития конструктивных культурных и духовных концепций. В американской оккупационной зоне это процесс получил название «перевоспитание» (к концу оккупации стал использоваться термин «перориентация»), которое включало в себя идеологическую обработку, лицензирование и контроль средств массовой информации, а также многочисленные меры демократизации немецкой образовательной системы и различных сфер культурной жизни.

Американский военный губернатор Л. Клей в своих мемуарах отмечает всю сложность поставленной задачи, однако «с самого начала мы приняли решение не использовать непосредственную пропаганду... но делать это всеми доступными средствами: информационными и образовательными, журналами, прессой, радио, книгами, кинофильмами, театром, музыкой, лекциями; на собраниях профсоюзов, в школах, в церквях» [4, р. 281 – 282].

Основные принципы американской политики «перевоспитания», работа над которыми началась в Вашингтоне еще в 1943 г., нашли отражение в опубликованном в августе 1946 года «Заявлении долгосрочной политики по немецкому перевоспитанию» [10, р. 541 – 542]. В документе говорилось о том, что культурное и моральное перевоспитание немцев может быть эффективным только в том случае, если оно является неотъемлемой частью всесторонней программы их исправления. Поэтому оно должно быть тесно связано с политикой, рассчитанной восстановить стабильность мирной немецкой экономики и дать надежду на окончательное восстановление национального единства и чувства самоуважения. Возрождение культурной жизни в Германии не только в региональном, но и в национальном масштабе должно быть главным образом делом самих немцев, использующих собственные возможности. Перевоспитание немцев – подчеркивалось в документе – будет способствовать восстановлению универсально общезначимых принципов справедливости: терпимости к различным культурным и расовым группам как основы национального и международного порядка, свобод-

ный обмен информацией, уважение чести и достоинства человека, личная ответственность за общественный порядок, взаимная ответственность людей и народов друг перед другом [10, p. 541 – 542].

Интересно, что в программной директиве JCS 1067, которая являлась руководством для американских оккупационных властей на протяжении первых двух лет оккупации, практически ничего не говорилось о культурной политике или перевоспитании. Директива JCS 1779, заменившая JCS 1067 в июле 1947 г. была в этом плане более определенной и связала перевоспитание с демократией: «Перевоспитание немецкого народа является неотъемлемой частью политики, призванной помочь развить демократическую форму правления и восстановить стабильную и мирную экономику» [8, p. 40 – 41]. В документе подчеркивалось, что не должно быть «насиленного разрыва в культурном единстве Германии», признавалась «духовная ценность религиозных традиций Германии», а также значимость восстановления немецкой национальной культуры для будущего Германии [8, p. 40 – 41].

В американской оккупационной зоне осуществлением перевоспитания и культурной политики занимались два ведомства: Отдел информационного контроля и Отдел образования и религиозных дел (*Прим. автора: отдел информационного контроля до капитуляции Германии назывался Отделом психологической войны при Верховном штабе союзных экспедиционных войск. В середине 1948 г. он был переименован в Отдел информационных служб*). Отдел информационного контроля нес ответственность за денацификацию средств массовой информации, а также должен был контролировать возрождение общественной жизни, в том числе кинематографа, театральной и музыкальной деятельности и др. Кроме того, отдел играл роль связующего звена между немцами и оккупационными властями и через подконтрольные ему средства массовой информации должен был содействовать позитивному отношению населения к политике военной администрации, выполняя, таким образом, пропагандистские функции [18, p. 14]. Отдел образования и религиозных дел отвечал главным образом за денацификацию и демократизацию системы образования.

Одной из первых пропагандистских кампаний Отдела информационного контроля еще до окончания войны стала попытка пробудить в немцах чувство «коллективной вины» или «коллективной ответственности» за преступления нацизма. При этом стояла задача не столько убедить в этом немецкое население, сколько способствовать, чтобы немцы сами осознали свою ответственность. Для этого применялись различные средства. Так, американцы использовали плакаты с изображением жертв концентрационных лагерей, подпись к которым гласила «Вы виновны в этом!» или «Эти зверства: Ваша вина!». Немцам демонстрировали документальные фильмы, снятые в концентрационных лагерях как, например, «Мельницы смерти» (*Die Todesmühlen*), организовывались принудительные «экскурсии» местного населения в освобожденные «лагеря смерти».

Принятие немцами своей вины и осознание ими ответственности за нацистские преступления американцы считали первым шагом в их перевоспитании.

Однако уже к концу 1945 г. стало понятным, что эта пропагандистская кампания не достигла своих целей, так как немцы в подавляющем большинстве отвергали идею «коллективной вины». В интервью американскому журналисту издатель и редактор газеты «Зюддойче Цайтунг» заявил: «Союзники плохо начали. Они начали перевоспитание немцев, подчеркивая массовую вину немецкого народа, что породило негодование и подозрительность, а не убеждение и веру» [2, с. 85].

Такая же неудача постигла и американскую политику «небратания» (*nonfraternization*). В первые месяцы оккупации Германии в американской зоне (также как и в английской) существовал запрет на неформальные контакты американских войск и немецкого населения. Военнослужащие не имели права вступать в дружеские отношения с немцами, обмениваться рукопожатиями, бывать в их домах, играть с детьми и т. д. Даже в немецких церквях существовали отдельные скамьи специально для американцев. В американской армейской газете «Звезды и полосы» можно было встретить такие призывы: «Не относитесь по-братски. Если в немецком городе вы склоняете голову перед девушкой или гладите белокурого ребенка... вы склоняете голову перед Гитлером и его кровавым режимом» [14, p. 212]. В июле 1945 г. в интервью газете «Нью Йорк Таймс» один из военнослужащих пояснил, что запрет на дружеское общение должен был «показать немцам, что... мы не хотим иметь никакого к ним отношения, пока не почувствуем, что они снова готовы войти в мировое сообщество» [17, p. 8].

Однако вскоре стало понятно, что подобная тактика малопродуктивна, наоборот, личные контакты военнослужащих и немцев гораздо больше бы способствовали распространению демократических идей. К тому же американский персонал довольно часто игнорировал этот запрет, особенно в отношении с детьми. Поэтому запрет на «братание» был коротким эпизодом в оккупационной политике: постепенно ограничения на неформальное общение с немцами смягчались, пока 1 октября 1945 г. не были отменены вовсе.

Еще в годы войны стало понятно, что осуществление политики демократизации было бы невозможным без установления контроля над культурной и духовной жизнью немецкого общества. Одним из первых шагов в этом направлении стал запрет на любую публицистическую или культурную деятельность самих немцев. Уже 24 ноября 1944 г., спустя чуть более месяца после начала оккупации немецкой территории американскими войсками, Верховный штаб союзных экспедиционных сил издает Закон № 191, согласно которому запрещалась печать и публикация всех газет, журналов, книг, плакатов и других видов печатных изданий, а также деятельность всех агентств печати, информационных агентств, радиостанций и радиовещания. Запрету подлежала работа театров и кинотеатров, киноstudий и мест театральных или музыкальных развлечений. На оккупированной территории была запрещена деятельность Рейхсминистерства народного просвещения и пропаганды, все директивы или инструкции которого аннулировались [15, p. 594 – 595].

Предполагалось, что возобновлением деятельности прессы и радио, театральной и музыкальной жизни, кинематографа и др. могут заниматься только полити-

чески надежные и не запятнавшие себя связью с национал-социализмом немцы. Это было возможно лишь после регистрации и получения лицензии от АВАГ. Лицензированию подвергалась деятельность лиц, которые занимались созданием информационных материалов и культурной продукции: издатели, производители фильмов, театральные и концертные продюсеры и т. д. Они должны были пройти денацификацию и заполнить специальную анкету, дающую полную информацию о своем учреждении или предприятии. Кроме того, они несли ответственность за то, чтобы их сотрудники прошли денацификацию, а выпускаемая ими продукция не противоречила политике военной администрации. Регистрации подлежали те, кто занимался распространением этой продукции: продавцы книг, типографчики, владельцы театров и кинотеатров, прокатчики фильмов и др. [18, p. 14]

Важным элементом культурной политики американской военной администрации стало стремление познакомить немцев с американской историей, культурой, традициями. С этой целью были созданы так называемые Американские Информационные центры, или как их еще называли «Америка Хаус» (Amerika Haus). Первый такой центр был открыт в Бад Хомбурге в июле 1945 г., а затем и во всех крупных городах американской зоны: Франкфурте, Мюнхене, Штутгарте, Висбадене, Нюрнберге, Бремене, американском секторе Берлина и др. В середине 1949 г. действовало уже 25 Информационных центров и более сотни их филиалов («читальных залов») в небольших городах зоны.

Каждый информационный центр имел в своем распоряжении несколько тысяч книг (в среднем 5 – 7 тысяч) самых разнообразных жанров: художественные, исторические, научные, медицинские и др., до сотни наименований различных журналов, газеты, тысячи всевозможных брошюр, буклетов, информационных бюллетеней и т. д., доставленных из США. Немцы, не умеющие читать по-английски, имели возможность читать американские книги в переводе (завезенные из Швеции или Швейцарии), смотреть иллюстрированные журналы, сотни разнообразных фотографий, а также десятки киноленок образовательного и информационного содержания.

Информационные центры пользовались популярностью среди немцев, особенно среди молодежи. Открытый в мае 1946 г. информационный центр во Франкфурте еженедельно посещало не менее 1300 человек [19, p. 5]. Один из посетителей информационного центра в Мангейме в письме редактору американской газеты «Нью Йорк Геральд Трибьюн» писал: «Немцы признательны американцам не только за продукты питания, которые мы получаем от них, но и за духовную пищу, которую мы с таким же успехом извлекаем из «Америка Хаус»» [9, p. 12].

Постепенно «Америка Хаус» становились одним из центров культурной, интеллектуальной и просветительской деятельности. Немецкие ученые, писатели, артисты имели возможность открыто выступать и излагать свою точку зрения практически по всем аспектам немецкой общественной и культурной жизни. В Информационных центрах регулярно проводились собрания и пресс-конференции, на которых служащие военной администрации выступали по экономиче-

ским, политическим, хозяйственным, трудовым и многим другим аспектам оккупационной политики. Вниманию немцев предлагались лекции самой разнообразной тематики: по истории, культуре, международным вопросам. Много лекций было посвящено американской проблематике: «Образование в Америке», «Европа глазами американских студентов», «Роль женщин в Америке», «Роль американской помощи в международных отношениях» и др. В Информационных центрах были организованы курсы изучения английского языка, проходили чтения и обсуждения литературных произведений. Л. Клей в своих мемуарах отмечал: «Я не представляю себе никакого более конструктивного влияния осуществленного нашей оккупацией, чем эти центры» [4, p. 286].

Пропаганда американской культуры, искусства, национальных традиций осуществлялась не только посредством прессы, радио или через информационные центры, но и благодаря театру, кино и музыке. В первые послевоенные годы на немцев обрушилась лавина не только американских, но и английских, французских и советских фильмов, музыки, литературы и т. д. Эти зерна падали на благодатную почву, ведь после окончания войны в Германии наблюдался невероятный и невыносимый для немцев культурный голод.

Уже осенью 1945 г. в американской зоне начался театральный сезон. В репертуаре значительное место занимали постановки немецкой и мировой классики: пьесы И. В. Гёте, Г. Э. Лессинга, У. Шекспира и др. В 1946 г. на театральных сценах было поставлено более двадцати американских пьес: «Стража на Рейне» Лиллиан Хеллман, «На волосок от гибели» и «Наш городок» Торнтон Уайльдера, популярная комедия «Трое мужчин на лошади» и многие другие. Тепло принимались публикой сочинения современных немецких авторов Г. Казака, К. Цукмайера, В. Борхерта. Постепенно восстанавливались не только драматические, но и оперные театры и филармонии, возвращались к концертной деятельности музыкальные коллективы (*Прим. автора: в марте 1949 г. в американской зоне действовало 80 драматических и оперных театров. См.: Monthly Report of the Military Governor. Statistical Annex. July 1949. № 49. P. 284*). Произведения Бетховена и Моцарта, Мендельсона и Генделя, Чайковского и Гершвина и других классиков музыкального искусства, а также современных композиторов вновь звучали на различных концертных площадках и музыкальных фестивалях.

Немецкий кинематограф возрождался довольно медленно, что было связано не только с изменившимися экономическими условиями после окончания войны, но и с политикой оккупационных властей. Принцип декартелизации германской экономики был применен и в отношении кинопроизводства. АВАГ поставила перед собой задачу воспрепятствовать новой концентрации производства на кинорынке, стремилось отделить друг от друга создание и прокат фильмов. Так, лица занимающиеся производством фильмов не имели права распространять свою продукцию, а прокатчики не могли вмешиваться в создание картины [11, p. 604].

Прежде чем выпустить фильм на экраны его содержание тщательно проверялось оккупационной ад-

министрацией, т. е. существовала предварительная цензура немецких фильмов, вне зависимости от того, показывался он раньше или нет. Поскольку немецких картин было недостаточно, то в первое время акцент делался на американские фильмы, главным образом те, которые отбирались для американских солдат. К концу 1945 г. в американской зоне было открыто около 350 кинотеатров, где показывалось 30 американских фильмов, а в июне 1949 г. количество кинотеатров переросло за 2 тысячи [13, р. 285]. Наибольшей популярностью в послевоенные годы пользовались картины развлекательного характера и мелодрамы. Дублировались или шли с субтитрами не только американские, но и английские, французские и другие фильмы.

Большой воспитательный и пропагандистский эффект на население оказывали документальные фильмы, снятые в концентрационных лагерях, военная хроника. Обязательным для показа был еженедельный киножурнал «Мир в фильме» (*Welt im Film*), выпускаемый на мюнхенской киностудии совместными американскими и британскими усилиями. В этой кинохронике освещались важнейшие вопросы оккупационной политики в Германии и Австрии, работа Нюрнбергского трибунала, а также международные проблемы.

Что касается немецкого кинематографа, то довольно часто первые немецкие фильмы носили документальный характер, снималось так называемое «руинное кино» – взгляд на разрушенную послевоенную Германию, попытки осознать и освободиться от тоталитарного прошлого. Первым немецким художественным фильмом, снятым в западных зонах, стал фильм режиссера Вольфганга Штаудте «Убийцы среди нас», вышедший на экраны в 1947 г.

Существенной силой в духовном возрождении Германии стала церковь обоих вероисповеданий. В годы Второй мировой войны, чтобы лишний раз не провоцировать общественное мнение, нацисты на время приостановили свою кампанию против церкви. В то же самое время тяготы и лишения военного времени способствовали обращению немцев к вере, как католической, так и протестантской. Церковь оставалась, пожалуй, единственным организованным социальным институтом, которому в общем и целом удалось сохранить свои кадры.

В августе 1945 г. на конференции епископов католической церкви в Фульде и конференции евангелических церквей в Трейзе религиозные лидеры обеих конфессий выразили готовность сотрудничать с оккупационными властями. Но из двух конфессий только евангелическая церковь выступила с официальным заявлением, в котором признала свою вину и ответственность за сотрудничество с нацистским режимом [7]. Один из основателей «Исповедующей церкви», ярый противник и борец с нацизмом, прошедший несколько лет в концлагерях, пастор Мартин Нимёллер заявил: «Настоящая вина лежит на церкви потому, что она одна знала, что путь, по которому пошла страна, ведет к гибели, и она не предупредила народ. Она не вскрыла несправедное дело или если и разоблачала его, то тогда, когда было уже поздно. Мы, церковь, должны признать свою вину» [16]. (Прим. автора: «Исповедующая церковь» – оппозиционное нацизму движение в рядах протестантской церкви, оформившееся в 1934 г. Выступало

против нацификации протестантских церквей, отвергало расовые теории нацистов, осуждало антихристианские идеи нацистских идеологов). Католическая церковь не сочла нужным раскаяться.

По данным переписи 1946 г. население американской оккупационной зоны составляло 16 млн 882 тысячи человек, из них 7 млн 384 тысячи (43 %) были протестантами и 8 млн 977 тысяч (53 %) католиками, большая часть которых проживала в Баварии [13, р. 11]. Другие религиозные конфессии составляли меньшинство.

Основным принципом своей политики в отношении церкви военная администрация провозгласила свободу вероисповедания и равное уважение ко всем конфессиям и религиозным учреждениям и старалась не вмешиваться во внутренние дела церкви [12, р. 627]. Даже такой деликатный вопрос как денацификация решался на первых порах самими священнослужителями под надзором со стороны АВАГ, пока в марте 1946 г. не вступил в силу закон «Об освобождении от национал-социализма и милитаризма» (Прим. автора: так например, евангелическая церковь в Гессене создала свой собственный трибунал и освободила от обязанностей 136 священников).

Вопрос религиозного воспитания в школах был отдан на рассмотрение немецких образовательных органов с той гарантией, что оно не будет противоречить политике оккупационных властей. Церквям предоставили право возобновить публикации религиозных материалов. В американской зоне восстанавливались еврейские религиозные общины, при поддержке властей открывались богословские школы и семинарии. Принцип свободы вероисповедания и равного отношения ко всем религиозным конфессиям был зафиксирован и в конституциях, принятых в каждой земле в ноябре-декабре 1946 г. и в Бремене в октябре 1947 г.

Военная администрация не препятствовала контактам между немецкими церковными лидерами и представителями иностранных церквей. Так, в начале 1946 г. глава Евангелического совета епископ Теофил Вурм и вице-президент совета пастор Мартин Нимёллер посетили Женевскую конференцию Всемирного совета церквей. М. Нимёллер стал к тому же первым немецким священнослужителем, кому было дано разрешение посетить США. В ноябре 1946 г. во Франкфурте прошла конференция методистов, куда съехались представители этой религиозной конфессии не только из других оккупационных зон, но и из Швеции, Швейцарии, Соединенных Штатов. Были возобновлены контакты с Ватиканом: в марте 1946 г. кардиналы Фаульхабер, Гален, Преизинг и Фрингс приняли участие в совещании кардиналов в Риме. Кроме того, оккупационные власти обязались соблюдать условия Конкордата 1933 г., а также Конкордаты, заключенные Святым Престолом с Баварией (1924), Пруссией (1929) и Баденом (1932), если Контрольный Совет не примет иного решения. Что касается последнего, то 20 марта 1947 г. в Контрольном Совете был принят закон № 49, отменяющий нацистский закон от 14 июля 1933 г. – о создании пронацистской «новой» немецкой евангелической церкви [5, р. 629], а ровно через год, 20 марта 1948 г., законом № 62 бы-

ли аннулированы и некоторые другие нацистские постановления в отношении церкви [6, p. 630].

Военные власти старались поддерживать отношения с клиром, проводили встречи и конференции с представителями церкви. В целом Л. Клей характеризовал сотрудничество военной администрации с церковными лидерами как «искреннее и полезное», а последние, в частности епископ Вурм, а позже О. Дибелиус, в свою очередь, высоко оценили американскую поддержку. Церковь играла не только большую роль в духовном возрождении Германии, но и оказывала влияние на политическую жизнь страны, поддерживая такие крупные политические партии западных зон как ХДС и баварскую ХСС [3, с. 237].

Таким образом, деятельность военной администрации по возрождению культурной и духовной жизни была важной составляющей американской оккупаци-

онной политики в Германии. Это позволяло оккупационным властям не только отвлечь население от множества бытовых проблем и тягот послевоенного времени, но и являлось существенным элементом политики «перевоспитания» и, в конечном счете, демократизации страны. Благодаря прессе и радио, музыке, кино, театру, деятельности информационных центров, церкви и т. д. происходило постепенное «очищение» культурной и духовной жизни от нацистского наследия, шло приобщение немцев к либеральным ценностям и одновременно усиливалось влияние американской культуры.

Таким образом, несмотря на ряд ограничений (выдача лицензий, денацификация, запрет критики оккупационных властей), культурная жизнь в американской зоне развивалась достаточно свободно, и вмешательство военной администрации было незначительным.

Литература

1. Бонвеч Б. Вторая мировая война в национальной памяти Германии и России // Послевоенная история Германии: российско-немецкий опыт и перспективы: материалы конференции российских и немецких историков (Москва, 28 – 30 октября 2005 г.): сб. ст. / под ред. Б. Бонвеча и А. Ю. Ватлина. М.: ДиректМедиа Пабблишинг, 2007 С. 8 – 24.
2. Бычкова Т. А. Характер и цели пропагандистской деятельности США в Западной Германии в 1945 – 1950 гг. // Вопросы истории международных отношений. Вып. 7. Томск, 1976.
3. Социальная политика и социальное государство в Германии: учебное пособие / Л. Н. Корнева (отв. ред.) [и др.]. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2014. 455 с.
4. Clay L. D. Decision in Germany. New York: Doubleday & Company, Inc., 1950. 505 p.
5. Control Council Law № 49 Repeal of Reich Law of July 14, 1933, Concerning the Constitution of the German Evangelical Church, 20 March 1947 // Germany, 1947 – 1949: The Story in Documents. Washington: United State Department of State, 1950. 631 p.
6. Control Council Law № 62 Repeal of Certain Laws, Ordinances, and Decrees Promulgated by the Nazi Government Concerning Churches, 20 March 1948 // Germany, 1947 – 1949: The Story in Documents. Washington: United State Department of State, 1950. 631 p.
7. Die Stuttgarter Schulderklärung, 18 – 19 Oktober, 1945 // Сайт Евангелической церкви в Германии. Режим доступа: http://www.ekd.de/bekanntnisse/stuttgarter_schulderklaerung.html (дата обращения: 15.03.2015).
8. Directive to Commander in Chief of United States Forces of Occupation Regarding the Military Government of Germany (JCS 1779) // Germany, 1947 – 1949: The Story in Documents. Washington: United State Department of State, 1950. 631 p.
9. Information Bulletin: Magazine of U. S. Military Government in Germany / Office of Military Government for Germany (U. S.), Control Office, APO 742, US Army. November 1948. № 148.
10. Long-Range Policy Statement for German Re-education, 5 June 1946 // Germany, 1947 – 1949: The Story in Documents. Washington: United State Department of State, 1950. 631 p.
11. Military Government Regulation. Title 21, Part 4, 5 April 1949 // Germany, 1947 – 1949: The Story in Documents. Washington: United State Department of State, 1950. 631 p.
12. Military Government Regulations, Title 8, Part 1 // Germany, 1947 – 1949: The Story in Documents. Washington: United State Department of State, 1950. 631 p.
13. Monthly Report of the Military Governor. Statistical Annex. July 1949. № 49.
14. Payne James L. Did the United States create Democracy in Germany? // The Independent Review. Fall 2006. Vol. XI. № 2.
15. SHAEF Military Government Law № 191: Control of Publications, Radio Broadcasting, News Services, Films, Theaters, and Music // Germany, 1947 – 1949: The Story in Documents. Washington: United State Department of State, 1950. 631 p.
16. Stöhr M. «...habe ich geschwiegen»: zur Frage eines Antisemitismus bei Martin Niemöller, artikel vom 10.10.2011 // Сайт Фонда Мартина Нимёллера. Режим доступа: <http://www.martin-niemoller-stiftung.de/4/-zumnachlesen/a100> (дата обращения: 17.03.2015).
17. The New York Times. 1945. 10 July.
18. Weekly Information Bulletin / Office of the Assistant Chief of Staff, G-5 Division USFET, Information Branch. August 1945. № 2.
19. Weekly Information Bulletin / Office of the Assistant Chief of Staff, G-5 Division USFET, Information Branch. July 1947. № 100.

Информация об авторе:

Жаронкина Елена Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений КемГУ, zharonkina@mail.ru.

Elena A. Zharonkina – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Modern and Contemporary History and International Relations, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.